

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

КОНФУЦИЙ ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗА 90 МИНУТ!

Введение

Конфуций знал о жизни почти все, однако о жизни самого Конфуция известно очень мало. Поэтому нам не просто понять его личность. Конфуций поведал нам, как поступать в тех или иных случаях. Но как вел себя он сам? Этого мы точно не знаем.

Конфуций — серьезный претендент на звание самого влиятельного человека в истории, и к счастью, он оставил нам в наследство свою философию, туманную и скучноватую. Оставленное им собрание благонравных штампов, эксцентричных афоризмов и полузагадочных анекдотов должно было стать идеальной философией государственных служащих. Таковая была его основной целью. В отличие от других мудрецов, Кон-

фуций не хотел, чтобы его ученики становились нищими скитальцами, а просвещенность их осталась бесплодной. Сделать из своих учеников хороших государственных чиновников — вот о чем он мечтал. И результат превзошел самые смелые ожидания. Более двух тысяч лет учение Конфуция диктовало правила поведения и давало пищу для размышлений чиновникам, школьным учителям, министрам и администраторам, сформировав своеобразное мировоззрение конформизма, присущее Китайской империи. Именно здесь родилось крылатое «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». В конфуцианском Китае размеренное существование почиталось за счастье. Неудивительно, что у многих возникало желание нарушить эту привычную монотонность. Однако за самое незначительное отступление от правил непокорных ждало возмездие — в лучшем случае удавалось отделаться всего лишь кастрацией. Вот почему придворные многих вспыльчивых китайских правителей до конца своих дней говорили писклявыми детскими голосами.

До коммунистической революции 1949 года конфуцианство было почти синонимом китай-

ского образа жизни. Сложным было отношение к конфуцианству в эпоху Мао. Конфуция объявили представителем класса «помещиков и капиталистов», хотя на самом деле он не был ни тем, ни другим. Большую часть жизни философ был безработным, постоянно страдал от нехватки средств, не имел, что называется, ни кола ни двора. Во время культурной революции 1960 года красногвардейцы попытались вытравить из мышления соотечественников последние остатки конфуцианства. В то же время председатель Мао при случае подбадривал своих товарищей высказываниями Конфуция. Все это подчеркивает влияние конфуцианства, укорененного в глубине китайского менталитета и продолжающего свое существование, лишь внешне прикрытое слоем марксизма.

Конфуцианство всегда было широко распространено среди китайцев от Тайваня до разбросанных по всему миру Чайна-таунов. Высказывания Конфуция переходят из поколения в поколение, его учение и сегодня имеет огромное культурное значение. Конфуций в Китае занимает то же место, что Шекспир у англичан или Гете у немцев.

Тем удивительнее, что сам Конфуций в жизни не преуспел. По крайней мере он так полагал (а кто мы такие, чтобы возражать столь мудрому человеку). Философ считал, что намеченных целей он не достиг, к концу жизни уделом его стало разочарование.

«Конфуций» — латинизированная форма имени «Кун Фу Цзы» (что значит «учитель Кун»).

Жизнь и труды Конфуция

Он родился в VI веке до н. э., проживал по преимуществу в северной части Китая. VI век до н. э., несомненно, был знаменательным периодом человеческой истории, вторым по важности после того времени, когда человек научился добывать огонь. На этот век пришлись не только рождение Конфуция, но и формирование даосизма, появление на свет Будды, вознесение греческой философии. Остается загадкой, почему столь важные интеллектуальные события происходили именно в это время — в самых разных цивилизациях, находившихся на разных уровнях развития, не имевших контактов друг с другом. На этот счет существуют разные предположения: посещение

инопланетных космических кораблей, необычайная солнечная активность, массовый психоз и т. д. Все они сходятся в одном: с той поры у человечества не отмечалось аналогичных периодов столь интенсивного духовного развития.

Конфуций родился в 551 году до н. э. в феодальном государстве Лу, ныне это часть северной провинции Шаньдун. Он происходил из древнего и знатного, но обедневшего рода, по слухам, был прямым потомком правителей династии Шан-Инь.

Эта самая ранняя династия Китая правила более 600 лет с XVIII до XII века до н. э. Есть свидетельства, что в те времена люди делали лазурные горшки, расписанные великолепными цветами, и использовали в качестве денег розовые раковины каури. Легенда гласит, что люди того времени изобрели китайскую письменность, чтобы общаться с предками посредством сообщений, выгравированных на черепаших панцирях. Все эти мифы отвергались серьезными историками до тех пор, пока недавние археологические находки не подтвердили существование и образ жизни именно такой династии во вто-

ром тысячелетия до н. э. Но, к сожалению, в найденных книгах из черепаших панцирей не обнаружены упоминания о ранних представителях рода Конфуция.

Достоверно известно, что отец Конфуция был мелким военным чиновником и что, когда у него родился сын, ему было 70 лет. Отец умер, когда Конфуцию исполнилось три года, и вырастила его мать. (Примечательно, что большинство основателей великих мировых философий и религий выросли в семье с одним родителем.)

Позже Конфуций вспоминал: «Когда мне было пятнадцать, меня интересовала только учеба». Стремление к знаниям стало главным смыслом всей жизни Конфуция, которая затем разделилась, согласно его собственному утверждению, на не сходные друг с другом этапы: «... когда мне было тридцать, я начал свою жизнь; в сорок я был самонадеянным; в пятьдесят осознал свое место в общем порядке вещей; в шестьдесят научился не спорить; а сейчас мне семьдесят, и я в состоянии свободно идти по жизни, не разрушая ее основ». Трудно сказать, что это: духовная автобиография или вариант традиционной китай-

ской мудрости, описывающей «возрасты человека». Во всяком случае, в этом фрагменте содер­жится не так много личных подробностей или того, что современный читатель назвал бы «жиз­неописанием».

О ранних годах Конфуция не известно по­чти ничего, за исключением того утверждения, что прежде всего он ценил знания да разного рода невероятных историй, всегда сопровожда­ющих такие трансцендентные фигуры (слетаю­щиеся с деревьев прирученные птицы, возвра­щенная к жизни любимая собака дяди, появле­ние комет и пр.).

Во времена Конфуция шестисотлетняя ди­настия Чжоу начала приходить в упадок. Это была эпоха феодализма, когда вассальные горо­да-государства забывали данные друг другу клят­вы верности и вели войны практически по лю­бому поводу. Военные вожди жили так, как во все времена живут военные вожди: резня, рос­кошь, оргии, — а народ старательно плодился, исходя из того, что правители вряд ли изменят условия, сокращающие численность населения (болезни, нищета, оргии).

Страданиям простого народа не было пре­дела, подобное наблюдалось впоследствии разве что во времена коммунистической революции, при которой, несмотря на все благие намерения, были воспроизведены некоторые черты тради­ционного уклада жизни. Повседневные тяготы жизни оказали сильное воздействие на юного Конфуция, развив в нем стойкость и практич­ность — качества, которым он редко изменял в будущем. Конфуций рано понял: чтобы прекра­тить невыразимые страдания народа, нужно из­менить образ мыслей, общественный ментали­тет. Общество должно существовать для блага всех своих членов, а не быть источником сверх­прибылей правителей. Конфуций стал первым, кто сформулировал этот принцип, нередко иг­норируемый и в наши дни. Древние греки по­ставили так вопрос только через 200 лет после Конфуция. Путем рефлексии они создали абст­рактное понятие справедливости. Конфуций в годы своего становления возможности абстракт­но рассуждать не имел, он хотел изменить не общественное устройство, а только менталитет: его размышления были связаны с реальностью.

Правитель должен править, чиновник выполнять свои обязанности, и это так же бесспорно, как и то, что отец должен быть отцом своему сыну. Революция мышления, которую в конце концов совершил Конфуций, затрагивала только отношение к происходящему и поведение. Каждому предлагалось выполнять свое дело — настолько хорошо, насколько он может.

Однако высказывания Конфуция были настолько неопределенными, что оставляли исследователям свободу интерпретации. Например: «Если учение распространяется, то это потому, что того хотят небеса», «Быть правителем тяжело, но нелегко быть и подданным», «Самобытные люди все делают не так, как другие», «Раздавать приказы и ничего не делать самому — не доблесть».

Часто встречающееся в отдельных высказываниях Конфуция и характерное для всего его учения отсутствие *видимой* логики и стало источником жизненности конфуцианства. Ложность его доказать невозможно, при внимательном изучении вы рано или поздно убедитесь в том, что оно истинно почти что во всем. В этом смысле конфуци-

анство сильно также, как Библия и другие священные тексты самых незыблемых верований.

В восемнадцать Конфуций женился, и у него родился сын, названный Ли, что значит «большой карп». (Ли разочаровал своего знаменитого отца, так и не став, на что надеялся отец, крупной рыбой.) Конфуций был беден, и для того чтобы свести концы с концами, работал сразу в нескольких местах — в том числе управляющим зернохранилища и смотрителем зверинца священных животных. В свободное время он изучал историю, музыку и богослужение и быстро приобрел репутацию самого образованного человека в Лу. Конфуций был честолюбив. Он надеялся добиться высокого поста в правительстве для того, чтобы применить свои идеи на практике. Неудивительно, что падкие на удовольствия правители не желали допускать к управлению человека, портящего им всю радость жизни, и поэтому все попытки Конфуция получить должность заканчивались на стадии предварительных бесед. (Конфуций был пылким молодым человеком, жаждущим поделиться своими обширными знаниями со всем миром, — а это не самый лучший способ пройти

собеседование и получить работу.) В те времена, как и ныне, люди, не получившие работу в избранной ими сфере деятельности, часто становились учителями. Государство Лу гордилось школами, учившими будущих придворных дворцовому этикету и ритуалам. В этих школах обычно работали бывшие придворные, владевшие исключительным знанием сложных дворцовых церемоний, но потерявшие место из-за какой-нибудь случайной оплошности, которая к тому же обычно влекла за собой утрату нескольких личных владений, приносивших гораздо больший доход, чем жалование придворного. Конфуций хотел организовать совсем другую школу, в которой он учил бы политических деятелей тому, как надо править.

По счастью, Конфуций был привлекателен и полон вдохновения — никто не подвергал сомнению его способности, и ученики вскоре появились. Его школа очень походила на школы, созданные впоследствии древнегреческими философами. В ней поддерживалась неформальная атмосфера. Учитель беседовал с учениками, сидя под сенью деревьев. Время от времени проводились теорети-

ческие занятия, но большинство уроков было построено по принципу вопросов и ответов.

Часто ответы учителя звучали в виде поучений: «Если ты ведешь в бой необученную армию, ты уничтожаешь ее», «Начальствующий скуп на слова, но не на дела», «Если ты не исправишь свои недостатки, то станешь еще более несовершенно». Две с половиной тысячи лет назад эти замечания, должно быть, так же как и сегодня, выглядели почти банальностями. Хотя известно, что Конфуций нетерпимо относился к невеждам: «Я показал один угол предмета, а ученик не смог найти три остальных, я выгнал его». В школе Конфуция не было места трусам и двуличным людям. Обычно учеников набиралось дюжины две, среди них были и принцы, и нищие. Не все дошедшие до нас высказывания Конфуция банальны, среди них есть определенное количество спорных и неясных поучений, но наряду с этим налицо целый ряд мудрых утверждений. («Тот, кто не знает цену словам, никогда не поймет людей», «Полная жизнь хочет того, что нужно ей самой, пустая жизнь хочет того, что появляется у других».) Его замечания содержат сдержанный восточный

юмор, по-прежнему недоступный большинству жителей Запада.

В сущности, Конфуций — это учитель нравственности. Он всегда был честным и не доверял резонерству. Его целью стало научить учеников правильно себя вести. Если они хотят управлять людьми, то сначала они должны научиться управлять собой. Основы его учения звучат очень знакомо: добродетель — это любовь к ближнему. Это глубочайшее определение отношений между людьми было сформулировано Конфуцием более чем за 500 лет до рождения Христа. Правда, тогда оно еще не стало религиозным принципом. Учение Конфуция дало толчок основанию религии (конфуцианства), но его поучения сами по себе не были религиозными. И не были религией для него самого — это один из парадоксов, который способствовал долголетию учения.

У этого парадокса есть и еще одна характерная черта. Учение Конфуция не было религиозным, но сам он таковым являлся. Или же казался. По преимуществу. А от прямого ответа на этот вопрос уклонялся. Его высказывания по этому вопросу варьируются от не вполне искренних до

загадочных. Мы никогда не узнаем, чем диктовалась такая позиция — целесообразностью или политической корректностью.

Конфуций производил впечатление человека, убежденного в том, что в Космосе существуют силы добра, — некоторые могут назвать это убеждение верой в Высший порядок, хотя вокруг Конфуция не происходило каких-либо событий, способных поддержать такой оптимизм. Конфуций прослыл добродетельным человеком, благоговееющим перед Небесами, но сам он считал большинство религиозных практик своего времени суеверным вздором. Хотя, с другой стороны, он восхищался обрядами и считал их весьма полезными.

Этим, как и многим другим, Конфуций весьма напоминает Сократа. И действительно, ряд авторитетных востоковедов называли Конфуция сократическим Христом. (Такие необоснованные заявления нередки в отношении выдающихся исторических фигур, хотя, как правило, они содержат и зерно истины.)

Ключевой момент учения Конфуция символизирует китайский иероглиф Жэнь. Жэнь воп-

лощает великодушие, добродетель и любовь к человечеству. Это очень напоминает христианское понимание милосердия. (Говорят также, что Жэнь превратился в дзен-буддизме в дзен, хотя это и произошло несколько столетий спустя после смерти Конфуция.) Наряду с Жэнь учение Конфуция подчеркивает значение таких качеств, как Тэ (добродетель) и Ий (справедливость). Конфуций настаивал на важности в повседневной жизни этикета и выполнения традиционных обрядов. Но это выполнение должно быть осмысленным; превращаясь в простую формальность, оно вызывает духовные болезни как личности, так и общества в целом. Целью Конфуция было воспитание цзюнь-цзы (благородных мужей), которые жили бы гармоничной и добродетельной жизнью, свободной от тревог и страданий.

Нечего говорить, что главный постулат Конфуция, Жэнь, получил множество толкований. Само это слово переводилось по-разному: нравственное совершенство, великодушие, гуманность, милосердие, а то и просто альтруизм.

Китайский иероглиф Жэнь состоит из двух элементов: «человек» и «два». Человек + два = че-

ловек для человечества. Другими словами, Жэнь не сосредоточивается на индивидуальной духовной нравственности, он относится к социальному поведению или нравственному характеру, проявляющемуся в публичном окружении. Конфуций раскрыл смысл Жэнь в своих «Высказываниях» (или «Лунь Юй», часто называемых «Аналектами» или «Суждениями и беседами»): «Когда его спросили, что означает Жэнь, Конфуций ответил: «Он означает любовь к окружающим человеческим существам». Позже он развил эту идею: «Есть пять вещей, которые каждый должен включить в исполнение Жэнь: почтительность, терпимость, надежность, сообразительное усердие и великодушие. Если человек почтителен, ему не будет грозить высокомерие, если он терпим, он овладеет массами. Если он надежен, люди сами будут доверяться ему. Если он усерден и сообразителен, то добьется результатов. Если он великодушен, то будет достаточно хорош для того, чтобы руководить другими людьми».

Конфуций рассматривал Жэнь как часть образования. Другими словами, человека лучше научить такому поведению, нежели он будет

учиться ему на собственном опыте. Во времена Конфуция образование считалось скорее обучением тому, как себя вести, нежели приобретением специальных знаний. Конфуций разделял эту позицию. Приобретение знания было мудростью, а не Жэнь. Последнее включало в себя не только этику, но и многие традиционные ценности китайцев, особенно почтительное отношение детей к родителям, значившее намного больше, чем просто уважение родителей, и подразумевавшее реализацию целой системы традиционных ценностей и ритуалов.

Во времена Конфуция традиции китайской морали были уже достаточно развиты. Существовало две ключевых концепции: Дао и Тэ. Дао переводится как «Путь» в том же значении, которое имел в виду Христос, говоря: «Я — Свет и Путь». Более привычным западным эквивалентом Дао могло бы стать слово «Истина», хотя в нем и не будет элемента продвижения, представленного в Дао. Для духовного здоровья личности жизненно важно придерживаться Пути. Но Дао касается не только личности: государство в целом тоже должно придерживаться Пути.

Отношение Конфуция к Дао было очень противоречивым. С гномической иронией он замечает: «Не зря прожил жизнь тот, кто умер в тот день, когда говорил о Пути». Конфуция не интересовала религия, выросшая из этой концепции, — даосизм, предполагавший взгляд внутрь человека и призывающий личность удалиться от общества. Для Конфуция нравственным было именно участие в жизни общества. С другой стороны, он одобряет Путь, когда тот обращается к традиционным принципам морали. Обряд может стать большим подспорьем в научении Жэнь.

Другим ключевым понятием китайской нравственности было Тэ. Обычно оно переводится как «добродетель», но происходит от слова «тэ», что значит «получать». Следуя Путем, человек обретает добродетель. Но и тут Конфуций был противоречив. В какой-то момент своих путешествий, когда его преследовал печально известный Хуан-ди, и его жизнь была в опасности, Конфуций выразил свою невозмутимость следующими словами: «Небо дало мне добродетель. Как ты, Хуан-ди, смеешь вредить мне?», подразумевая, что мы получаем добродетель с

«Неба». В большинстве высказываний Конфуций предстает перед нами как человек, проповедующий, что мы получаем с Неба личную способность к добродетели. Она может различаться у разных людей, но все мы должны возвращать ее, вне зависимости от того, каким нравственным потенциалом обладаем. Возвращение добродетели должно стать нашей главной нравственной заботой, неспособность к таковому вызывала озабоченность Конфуция. «Неспособность возвращать добродетель, неспособность размышлять над тем, что узнал, невозможность стоять на том, что точно знаешь, невозможность исправлять свои недостатки — все это беспокоит меня».

Тэ также играло роль образца для общественного подражания. Общественный порядок мог поддерживаться либо наказанием, либо примером. «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, то народ будет стремиться избежать наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуалов, то народ будет знать стыд, и он исправится». Это

изречение звучит исключительно оптимистично. А в условиях Китая VI века до н. э. — в трудный период династии Чжоу, когда страна управлялась вздорными и мелочными диктаторами и военными вождями, — такой гуманный совет казался высокопарной глупостью. Чего можно достичь такими действиями? Менее жестокого правления? Довольного населения? И что из этого?

Самое примечательное в этом утверждении — его оригинальность. Тэ стало не чем иным, как *эволюционным* шагом вперед. Великодушие, благородство, пример — все это, несомненно, было новшеством и казалось невозможным в мире первобытной дикости. Чтобы эти принципы выжили, необходимо было по крайней мере чудо. И в конце концов чудо явилось, как в Китае (конфуцианство), так и на Западе (христианство). Без этого гуманистического элемента, выросшего в обстановке дикой междоусобной борьбы, человеческой цивилизации никогда бы не было. (Мы бы видели только кровопролитие и ужасы цивилизаций Древнего Египта и Майя, которые развивались без такого элемента гуманизма.)

Трудно переоценить этот «невероятный» эволюционный шаг человеческого общества, который первым сделал Конфуций. Мы можем только догадываться, что заставило его провозгласить эту новую гуманность. Внимательно присмотревшись, мы увидим, что она позволила нам выкарабкаться из трясины варварства и реализовать свой человеческий потенциал. Осознавали ли Конфуций возможные последствия своего шага?

Ответ кажется очевидным: Конфуция могла вдохновить на такое дело лишь вера в Бога, причем в благожелательного Бога. Но помилуйте, Конфуций в лучшем случае агностик! Он находился под воздействием обрядов, но когда дело касалось веры в Бога, загробную жизнь или метафизику любого сорта, становился уклончивым. «Цзы-Лу спросил о том, как служить духам умерших и богам. Учитель ответил: «Ты не можешь служить даже человеку, как же ты можешь служить духам?»

«Но могу я спросить о смерти?»

«Ты не можешь понять даже жизнь, как же ты можешь понять смерть?»

Хотя Конфуций, несомненно, обладал невысказанной верой в Нечто. Это Нечто не было

трансцендентным, но в основном служило тем же основным задачам, что и любая другая религия. Он верил в нравственное предназначение человека. Мы обязаны совершенствоваться и становиться как можно более развитыми, превращаясь в лучшие человеческие существа. И это единственный способ осмысленно прожить жизнь. Конфуцию чужда идея загробной жизни с воздаянием за добрые дела и наказанием за грехи. Совершенствоваться нужно ради самого совершенства, а не ради последующего воздаяния. Итак, более чем за два тысячелетия до Дарвина появляется светская религия, чрезвычайно похожая на теорию эволюции. Самобытный способ выражения крайнего благородства в гуманизме — преследовать добрые цели ради добра как такового.

Конечно, очень хорошо, что существует столь высокое чувство, но как же все-таки мы должны вести себя на практике? Конфуций не был бы Конфуцием, не будь он практиком, а его этика не представляла бы систему конкретных предписаний относительно поведения в повседневной жизни. Он советовал: «Смири себя» и «Не делай другим того, чего не желаешь себе». Это

были позиция и жизненный принцип: «Безропотно выполняй свои общественные обязанности, безропотно выполняй свои личные обязанности». Мы должны задаться целью «жить спокойно и без страха». Но как? «Если человек испытал себя и не нашел, в чем себя упрекнуть, тогда что его беспокоит и что страшит его?»

В глазах современного человека это выглядит как просто одно из самых слабых мест этики Конфуция. Наша этика склонна отражать эгалитарные аспекты общественной жизни. Поэтому не удивительно, что мораль Конфуция соответствует примитивной, классовой природе китайского общества времен династии Чжоу, правившей более двух с половиной тысяч лет назад. Конфуций рассматривал этику как классовую принадлежность. Люди, реализующие свой моральный потенциал, становятся Жэнь. Это лучшие люди страны — представители правящего класса.

Но правители обычно и без того убеждены, что они лучше остальных людей, и правящему классу Китая VI века до н. э. не нужен был Конфуций для подтверждения этой самоочевидной истины. С другой стороны, они не могли и по-

мыслить, что народ может вести себя так, как ведут себя они сами. Небо запрещает! «Делай, как я сказал, а не как сделал». Нравственность всегда носила классовый характер. Легко быть хорошим, когда общество устроено для твоей выгоды и защиты. Но когда правила не на твоей стороне, тебя меньше тянет быть добрым (факт, отмечаемый в тюрьмах всего мира на протяжении всей истории человечества).

Здесь Конфуций может показаться снобом, но его понимание нравственности фактически было попыткой разрешить классовую проблему. Благородный муж может быть представителем высшего класса, но если вы ведете себя так же, как он, то между вами нет разницы. Но Конфуций пошел еще дальше. Благородный муж должен демонстрировать образцовое поведение (в буквальном смысле этого слова). Нравственность благородного мужа должна быть примером для других (в противном случае он не благородный муж). Таким образом, Конфуций сделал свою этику универсальной, подходящей для всех классов и всех времен.

И тем не менее некоторые его практические советы этического характера сохраняют следы

классового подхода: «Князь Цзы из Чи спросил Конфуция относительно управления. Конфуций ответил: «Пусть правитель будет правителем, подданный — подданным, сын — сыном». Князь ответил: «Отлично! Действительно, если правитель не правитель, подданный не подданный, сын не сын, то я не могу быть уверенным ни в чем, и более того, я даже не могу знать, когда в следующий раз буду обедать». Некоторые найдут в этом фрагменте учения Конфуция, отметившего исключительное внимание князя к своему желудку, элемент иронии, но это вряд ли соответствует действительности. Этика Конфуция была революционной, но в политическом отношении он оставался закоренелым консерватором. И это едва ли должно удивлять, принимая во внимание политическую анархию и страдания, которые он видел вокруг себя. В такие периоды потребность в «сильной руке, как в старые добрые времена» испытывают не только пожилые чудачки. Далекие годы ранней династии Чжоу казались Конфуцию золотым веком. Это были времена сильного правительства, культурного расцвета и стабильности, когда император царил над послушными ему феодальными правите-

лями. Во времена Конфуция феодальная система начала разрушаться, а феодальные правители превратились в междоусобствующих военных вождей. В его глазах единственной альтернативой классовому обществу была анархия.

И все же краеугольным камнем нравственного общества для Конфуция было не классовое устройство, а любовь. И тут можно сравнить конфуцианство с христианством. Оба учения провозгласили главным своим принципом «любовь к ближнему». Но Конфуций был достаточно смел (или оптимистичен), чтобы предположить, что принцип личной любви может распространиться и на общество в целом. Христианство можно коротко охарактеризовать формулировкой «Отдайте кесарю кесарево», оно прослыло «моралью рабов» жестокой империи, придавая огромное значение личности и ее спасению, так же как и бескорыстной любви к другим верующим. Столетия спустя эти идеи переросли в марксизм, хотя правители христианского Запада по большей части оставались реалистичными прагматиками, а не отвлеченными идеалистами. Конфуцианство переработало традиционные ки-

тайские добродетели и предложило систему общественной нравственности, став синонимом китайского образа жизни.

Сменяли друг друга эпохи, образцовая мораль и любовь к ближнему постепенно видоизменялись вместе с самим Китаем. Несмотря на горячие протесты идеологов современного Китая, элементы конфуцианства проглядывают и в маоистском марксизме. И хотя сам марксизм пришел в этой стране в упадок, китайское представление о связи между народом и правительством остается столь же сильным, как и раньше. По мере усвоения Китаем западных идей значительно усилилось осознание культурных сходств и различий Запада и Востока.

Тринадцатую книгу своих высказываний Конфуций посвятил политической философии. Она начинается с нескольких простых, вполне обычных советов: «Цзы-Лу спросил о правительстве. Учитель ответил: «Заставь людей усердно работать, подав им пример».

«Цзы-Лу спросил, что еще он должен делать. Учитель ответил: «Никогда не ослабляй своих усилий».

Когда его спросили о том, как работать в правительстве, Конфуций ответил: «Прояви снисходительность к небольшим ошибкам и продвигай талантливых людей».

«Но как определить талантливых людей?»

Учитель ответил: «Продвигай тех, кого ты выбрал сам. Те, кого ты не выбрал, продвигаются и без тебя».

Но вскоре учитель уходит от таких банальностей. Когда его спросили, что он сделал бы прежде всего, если бы его назначили в правительство, Конфуций ответил: «Прежде всего я бы убедился в том, что все названия правильны».

«В самом деле? Разве это не глупо?»

«Какой же ты невежественный дурень! Если ты не понимаешь, о чем говорят, лучше помолчи».

Отчитав незадачливого ученика, Конфуций развил свою лингвистическую теорию правительства: «Если названия неправильны, то слово не достигает своей цели. А если слово не достигает цели, то ничего нельзя сделать правильно. Если ничего нельзя сделать правильно, то ритуалы приходят в беспорядок, музыка становится нестройной, а наказания больше не соответствуют пре-

ступлению. Когда наказание больше не соответствует преступлению, никто не знает, на каком свете он находится. Следовательно, если кто-то что-то задумал, то он должен понятно объяснить задуманное. А когда кто-то что-то прикажет, то должен быть тот, кто это выполнит. Там, где людей связывает язык, огромное значение имеет точность. Не должно оставаться ничего, что могло бы породить неправильное толкование».

Все это очень хорошо, но это и есть *основной приоритет*? Кого-то действительно может удивить, что все это нужно осуществить в правительстве. (Непонятные приказы веками были неотъемлемой частью управления.)

Конфуций отстаивает этот подход, обращаясь и к следующей теме. Когда его спросили о практике сельского хозяйства, он предложил длинный ответ, в котором ничего не сказал о сельском хозяйстве. «Фань-Чи попросил Конфуция научить его выращивать семена. Учитель ответил: «Опытный крестьянин сделает это лучше меня». Тогда его попросили научить выращивать овощи. Конфуций ответил: «Опытный огородник сделает это лучше меня».

Когда Фань-Чи ушел, Конфуций воскликнул: «Какой же он невежественный дурень! Когда правители соблюдают ритуалы, никто из обычных людей не смеет быть непочтительным. Когда они вершат правосудие, никто не смеет ослушаться. Когда они требуют почитания, никто не смеет быть неискренним. Когда они выполняют эти действия, люди стекаются со всей страны с детьми, привязанными к спинам. Так какой же смысл рассуждать тут о выращивании семян?»

Далее Конфуций занимает противоречивую позицию. Сначала развенчав практические способности, теперь он подчеркивает их превосходство над образованностью: «Представьте себе человека, который может наизусть продекламировать все три сотни поэм из традиционной *Книги Песен*. Вы дадите ему ответственный пост, но на нем он окажется некомпетентным. Вы пошлете его за границу с дипломатической миссией, но он докажет свою неспособность проявить инициативу. Что пользы от этих поэм, независимо от того, сколько их он выучил наизусть?»

Культивирование поэзии ничем не отличается от культивирования репы — и то, и другое рав-

ным образом бесполезно для культивирования Жэнь. Если кто-то приобрел это качество, все остальное приложится. «Если правитель честен с самим собой, то послушание будет и без отданных им приказов; но если он сам нечестен, то послушания не будет, даже если приказы отданы».

Как и многое у Конфуция, это звучит очень разумно, но на практике является чистой воды фантазией. Человеческая природа такова, что люди будут скорее слушаться кровожадного тирана, чем честного и гуманного правителя с добрыми намерениями. Почему же этот совет разумен? Потому что Конфуций пытался улучшить поведение отвратительных и бессовестных правителей своего времени. Любая попытка улучшить положение вещей заслуживает похвалы. Но выбрав такое направление, Конфуций ограничил действие своих советов определенным местом и временем.

Этим недостатком в той или иной степени страдают все политические советы. И чем больше совет подходит к текущему моменту, тем быстрее он становится бесполезным. Мы сравнили политические наставления Конфуция с другим

великим трудом о политическом руководстве — «Государем» Макиавелли. Политические рекомендации Конфуция оказались бы неуместны в Италии эпохи Ренессанса, многие правители которой были убеждены в том, что народ нужно вдохновлять культурным и образцовым поведением. Сочинения Макиавелли были нацелены на то, чтобы открыть правителю глаза на политические реалии: плохое поведение всегда выигрывает. По той же причине «Государь» был бы совершенно не нужен любому китайскому военному вождю поздней династии Чжоу. Безнравственное соглашательство и злобная нечестность были его второй натурой, качествами, необходимыми любому правителю Чжоу, хотевшему удержаться на работе. Конфуций просто пытался изменить баланс в пользу более цивилизованного подхода.

Основным залогом достижения Конфуцием своих целей были его педагогические способности. Главная задача его школы состояла в подготовке государственных служащих, которые могли бы пропагандировать его социальные и политические идеи — культивировать человеческое поведение и доброжелательное общение. Он все-

гда подчеркивал, что цель Жэнь — это выгода не одного человека, но общества в целом. «Жэнь возрос настолько, что может принести мир и счастье всему народу». Предполагалось, что эти новые администраторы будут считать свою работу призванием, а не средством собственного продвижения и возвышения. «Позорно делать жалование своей единственной целью». Честный человек не должен бояться бедности.

Несмотря на все уважение к классовой системе общества, Конфуций не поддерживал ее в своей школе. Он верил в «образование для всех, вне зависимости от их происхождения». В то время образование получали только представители высших классов, поэтому введенная Конфуцием политика открытых дверей давала исключительную возможность получить образование тем, кто при других обстоятельствах провел бы всю жизнь в тяжелом труде и унижениях. Как следствие, большинство учеников Конфуция происходили из низших классов, и они остались преданными и благодарными своему учителю на всю жизнь. Таким образом, Конфуций причастен к тому, что новые таланты и новые идеи приходят в чинов-

ничью службу. Он хорошо осознавал, что делает: «Когда есть образование, нет классового разделения». (Грустно, но в наших глазах это утверждение тоже выглядит как благая фантазия.)

И все-таки, несмотря на завуалированный эгалитаризм, Конфуций сохраняет определенные предрассудки: «Неправильно для благородного мужа знать дела слуг, и правильно, если он возьмет на себя великие обязанности. Неправильно для маленького человека брать на себя великие обязанности, но он должен знать дела слуг».

Конфуций был великолепным педагогом, и многие его ученики стали весьма успешными администраторами (к некоторому огорчению своего пожилого учителя, безуспешно продолжающего изучать свитки с объявлениями о работе). Было бы вполне естественно, если бы ученики Конфуция предали забвению многие из его бесполезных принципов сразу же после того, как вошли в настоящий правительственный мир. С гуманизмом и революционными идеями они могли бы получить работу разве что в хоре для мальчиков. Однако первое конфуцианское поколение правильно воспитанных чиновников не забыло своего

великого наставника и того, чему он их учил. Они создали нечто вроде масонского общества, и, несомненно, их образование повлияло на то, как они прожили дальнейшую жизнь, так же, как и на их отношение к своей работе. Первые семена нового просвещения были посеяны. Вскоре уже не многие чиновники серьезно верили в то, что правители происходят от божественных предков и управляют по воле Небес. Стало ясно, что государство, несомненно, может быть совместным общим делом, предприятием и приносить пользу всем; новые чиновники приложили все усилия для того, чтобы удержать своих начальников от развязывания бессмысленных войн.

Среди учеников Конфуция был ряд отпрысков влиятельных семей, обычно из других провинций. Но в конце концов и некоторые любознательные члены правящего рода Лу начали посещать его занятия. Таким образом Конфуций познакомился с будущим правителем Лу, принцем Янь Хуэем (не путать с имевшим дурную славу предшественником по имени Янь Ху, который стал предметом насмешек после того, как его режим превратился в пародию на правление). Янь

Хуэй находился под впечатлением от бесед с Конфуцием и, когда принял власть, назначил этого средних лет философа министром внутренних дел. Наконец-то Конфуций смог применить свои принципы на практике.

Согласно историческим данным, Конфуций был очень успешным министром, хотя при этом он мало пользовался своими возвышенными принципами. Конфуций организовал террор против местных преступников. «Все время, пока он занимал этот пост, в земле Лу не было грабителей», — пишет о нем биограф Х. Грил. Конфуций зашел так далеко, что ввел смертную казнь за «изобретение необычной одежды»; и скоро по всей провинции нравы упорядочились настолько, что «мужчины старались ходить по правой стороне улицы, а женщины по левой». В конце концов было решено, что сделано уже достаточно. Кто-то предложил, чтобы избавиться от Конфуция, подкупить премьер-министра восемью хорошенькими девушками. А премьер-министр, не получивший конфуцианского образования, не счел возможным отказаться от такой редкой возможности. Конфуций был снят со своего по-

ста; мужчины и женщины Лу снова стали ходить по одному тротуару и носить модные наряды без боязни увидеть себя в них мертвыми; а преступники смогли оставить несвойственный им честный труд, чтобы последовать своему истинному призванию.

В признание заслуг Конфуций был назначен на еще более престижный пост с очень впечатляющим титулом и жалованьем. Но он быстро разобрался в том, что это просто синекура без всякой власти. И с отвращением ушел в отставку. Его не интересовала работа, если она не давала ему возможности решать важные государственные вопросы.

В это время Конфуцию было пятьдесят лет. Вместе с несколькими учениками он решил отправиться в паломничество по Китаю. Но это не было паломничеством в обычном духовном смысле. У него не было священного места назначения, и Конфуций не искал в этом путешествии просветления. Его паломничество, так же как и его философия, преследовало только светские цели. Он искал работу. А если он не сможет найти работу, то, возможно, найдет будущего прави-

теля, которому станет наставником, и в конце концов где-нибудь его принципы можно будет применить на практике. Но, очевидно, молва о Конфуции распространилась уже достаточно широко. Его скитания в поисках священного Грааля трудоустройства длились более десяти лет. Время от времени у него спрашивали совета, но, как и раньше, все попытки устроиться на постоянную работу не шли дальше собеседования.

О причинах этого можно только догадываться. По общему признанию, Конфуций был тогда мудрейшим человеком во всем Китае. Он обучил многих самых способных чиновников этой страны. Когда он сам занимал небольшой пост, он не принял ни одной взятки и даже не предал своего начальника в руки его врагов. (Такая эксцентричность считалась в то время чуть ли не извращением и, несомненно, способствовала более позднему утверждению о том, что Конфуций — это исключительно легендарный персонаж, который никогда не существовал в действительности.) Но, очевидно, что-то было в нем не так. Горячность, неприятие компромисса, вредные привычки, а может быть, просто неприятный запах изо рта —

мы никогда не узнаем наверняка, что не нравилось в Конфуции китайским правителям. Лично мне кажется, что после изучения его письменных трудов они просто находили его ужасно скучным.

И даже приключения, случавшиеся с Конфуцием во время его десятилетнего путешествия, приобрели этот характерный налет скуки. Когда он гостил в государстве Вэй, у него случилась какая-то история личного свойства с печально известной сестрой правителя, Нань-Цзы, которая сильно огорчила учеников Конфуция. Но история стыдливо умалчивает о том, что же именно огорчило учеников Конфуция, и мы даже не можем узнать, чем Нань-Цзы приобрела такую дурную славу, кроме тривиальных слухов о царственном инцесте. В провинции Сун Конфуций узнал, что кто-то послан его убить, и поэтому он носил «неприметную одежду». Так и продолжалось его прозаическое странствие. Он также сообщает, что в Сун он встречался и целую ночь разговаривал с местным правителем, в конце концов убедив гостеприимного хозяина в том, что его идеи относительно правления страной достойны применения. Ключевым моментом реорганизации стало

добродетельное и компетентное администрирование, а не амбициозное корыстолюбие. Поход Конфуция принес еще одно завоевание. Скука еще раз победила варварство. Но даже этот правитель грубо отказался дать Конфуцию работу.

В это время Конфуцию было уже шестьдесят семь. Его сверстники вполне счастливыми ушли в отставку, а он все пытался начать свою карьеру. Наконец ученики Конфуция, оставшиеся в Лу, решили, что единственное, что можно сделать, — это вернуть учителя домой. Для этого самого практичного из философов, всю жизнь проповедовавшего добродетельность честного повседневного труда, пришло время навсегда оставить идею о том, что он может заработать этим на жизнь. Конфуций вернулся домой и последние пять лет своей жизни прожил в Лу. Это были грустные годы. Умер его лучший ученик Янь Хуэй, и Конфуций единственный раз в жизни впал в отчаяние: «Увы, нет никого, кто бы понял меня», — сказал он оставшимся ученикам. Он уверился в том, что самые важные его идеи не перейдут к грядущим поколениям. Сын Конфуция Ли тоже умер. О жизни Ли практически ничего не извест-

но. Говорили, что он не проявил никаких исключительных способностей, но более поздние данные противоречат этому. Спустя всего лишь несколько столетий в Китае уже было 40 тысяч человек, называвших себя потомками Конфуция, что, похоже, служит признаком исключительной активности единственного сына учителя.

Последние годы Конфуций провел за чтением, редактированием и написанием комментариев к китайской классике, ряду трудов, датирующихся тем временем, когда Китай вошел в античность. («Лунь-Юй» — «Суждения и беседы» Конфуция — не попали в этот список, начертанный на камне в середине III столетия до н. э.). Китайская классика начинается величественной *Ши-Цзин* {«Поэмами», иногда называемыми «Книгой Песен», которые включают в себя легендарные сведения о не относящихся к определенному времени деталях раннего периода китайской жизни) и доходит до загадочной и зачастую не по назначению используемой *И-Цзин* («Книги Перемен»), интригующей смеси метафизического Мумбо-Юмбо и психологического озарения. Позже она начала свою жизнь в качестве книги

предсказаний. Подобно вавилонской астрологии, датирующейся тем же периодом юности человечества, *И-Цзин* содержит построенную на шатких основаниях систему гномической мудрости.

И-Цзин, бесспорно, обладающая эзотерической природой, приводит в смущение исследователей Конфуция, которые справедливо утверждают, что учитель всегда придерживался строго практического подхода к философии. Хотя они и не отрицают, что Конфуций потратил многие годы, читая эту книгу, а в последний период своей жизни в Лу написал к ней пространственный комментарий.

Далекий от пренебрежительного отношения к порой фантастическому содержанию *И-Цзин*, этот комментарий даже содержит инструкции о том, как использовать книгу в гадательных целях, подбрасывая в воздух маленькие палочки и расшифровывая образованные ими рисунки. На первый взгляд это походит на то, как если бы Гегель тайком танцевал в балете, но даже философы могут иметь свое хобби, и подбрасывание в воздух маленьких палочек с целью узнать, кто выиграет гонки в Шанхае в 2.30 дня, кажется достаточно безобидным.

Последние годы жизни Конфуций также потратил на передачу основ своей философии ученикам. Сейчас ясно, что его учение не было философией в западном смысле этого слова. Оно содержит суждения об эпистемологии, логике, метафизике и эстетике — традиционных разделах философии, — но только в форме беглых заметок, а не системы. Наставления Конфуция содержат еще и замечания о вкусе имбиря и длине ночных рубашек, не составляя теорию кулинарии или моды. Хотя судя по тому времени, когда он был министром внутренних дел, у него, похоже, была очень четкая теория моды. Так что, возможно, он и формулировал внушительные кулинарные и философские системы, которые просто до нас не дошли.

Конфуцианское учение и духовные наставления должны были составить основу образования класса мандаринов, которые свыше двух тысячелетий управляли китайской администрацией. Как и все иерархии такого рода, она в конце концов заостенела. Конфуций предвидел необходимость адаптации управления к времени: «Не меняются только мудрецы и идиоты». Но преду-

ждение Конфуция не помогло. Возможно, судьба всех чиновничьих служб в том и состоит, что ими управляют мудрецы и идиоты.

В 479 году до н. э., в 72 года, Конфуций лег на смертное ложе. Ученики присматривали за ним во время его последней болезни. Его последние слова были записаны любимым учеником Цзы-Лу:

«Большая гора должна разрушиться,

Крепкая балка сгореть,

Мудрый человек должен завянуть, подобно растению».

Ученики похоронили Конфуция в городе Цюйфу на реке Ссу. Построенный на этом месте храм и прилегающие к нему территории оберегались как святыня. Свыше двух тысяч лет к этому месту устремлялся нескончаемый поток паломников. Краткий перерыв в этой традиции во время коммунистической эпохи, несомненно, закончился — наступил конец недолгого забвения древней китайской традиции, установленной задолго до рождения Сократа и Христа.

Судя по последним словам Конфуция, он знал о своем величии, но не был уверен в том, что его послание миру надолго переживет его само-

го. Беспokoясь на этот счет, Конфуций был совершенно прав. Конфуцианство прожило две с половиной тысячи лет, но иногда трудно определить его соответствие оригинальным учениям самого Конфуция (во многом столь же трудно, как связать инквизицию и сожжение еретиков с учением того, кто произнес Нагорную проповедь). Однако наследие Конфуция не было искажено его последователями полностью. Всего два столетия спустя после его смерти династия Хань совершила в китайской культуре первую великую революцию. Эта династия в основном руководствовалась принципами Конфуция, доказав их действенность своим четырехсотлетним процветанием, пережив большинство других китайских империй и дав культурный образец для всех последующих династий. На западе Конфуция признал Лейбниц и живший в то же время рационалист Вольтер, заявивший: «Я уважаю Конфуция. Он был первым человеком, не принявшим божественное вдохновение».

Незначительный отголосок учения Конфуция можно найти сегодня в боевом искусстве Кунг-Фу, которое названо по имени учителя (Кун Фу Цзы), хотя по сути своей оно так же далеко от Кон-

фуция, как Марс от Земли. Сходные отголоски жизни и дела Конфуция можно обнаружить и в новейшем заблуждении китайского мышления, вытеснившим наставления учителя. Личный культ Председателя Мао, паломничество коммунистов по Длинному Пути, почитание Маленькой Красной Книжки («Высказывания председателя Мао») — все это обладает несомненным сходством с культом, выросшим вокруг Конфуция (портрет которого висел в любой классной комнате Китая), его продолжительным странствием в поисках политической работы и почитанием классической книги Конфуция «Суждения и беседы». Но, вероятно, все это не сильно обеспокоило бы самого Конфуция. Он не раз замечал: «В отличие от других людей, я принимаю жизнь такой, какая она есть».

Послесловие: китайская философия

Как уже отмечалось, Запад никогда по-настоящему не понимал китайской философии. Разумеется, многие восточные мыслители объявили невозможным для западного менталитета усвоить тонкости, о которых оно не имело понятия.

Подобной точки зрения придерживаются и почти все западные философы, обычно ссылаясь на то, что западная цивилизация создала собственную философию. Мы тоже не станем отвергать утверждения о взаимном непонимании. Китайская философия *отличается* от западной философии просто потому, что китайцы отличаются от европейцев. Но все мы одинаково бесполезны или ценны *sub specie aeterni* (перед дыханием веч-

ности). Мы все существуем в человеческом облике, именно человеческая сущность — предмет исследования всякой философии. Китайская философия может с нашей точки зрения быть несуразной, так же как наша — с их точки зрения, но обе они — рецепты от одной болезни — жизни.

Китайская философия как таковая возникла в VI столетии до н. э. В этот период была создана так называемая Сотня Школ, отличающихся друг от друга не только названиями, но и основными направлениями и принципами. Эти школы состояли по большей части из странствующих философов, путешествующих по разным государствам, составлявшим Китай. По прибытии на новое место философ «ставил палатку» и начинал давать философские советы по разным вопросам. Обычно советы предназначались двору правителя и часто представляли собой принципы, призванные помочь управлению государством. Понятно, что редкий правитель долго терпел такого советчика, и вскоре философ снова оказывался на дороге.

Философии, созданные Сотней Школ, зачастую не являются философиями в западном понимании этого слова. Нередко они чуть больше,

чем просто «представление о жизни», выраженное рядом кратких или загадочных высказываний. В действительности эти философии редко обладали структурированным, представленным в какой-либо последовательности логическим методом и часто были близки, с одной стороны, к политическим рекомендациям, а с другой — к религиозным построениям.

Главными образцами наследия древних стали конфуцианство и поздний даосизм, два основных течения мысли в китайской философии. Позже оба они повлияли на формирование третьего направления китайской философии — буддизма.

Конфуцианство

Поучения Конфуция в той или иной форме дошли до наших дней. Конфуцианство по своей сути практично. Его предмет — конкретные аспекты частной и общественной жизни. Поэтому его главные разделы — этика и политика. Мы найдем здесь не много рассуждений о смысле, основах и сущности жизни. Метафизика по большей части отсутствует. Все это было характерно для конфуцианства во время его зарождения более

двух с половиной тысяч лет назад и сохраняется неоконфуцианством в его сегодняшней, широко распространенной форме.

Конфуцианство показало, что можно управлять человеческой жизнью, не обращаясь к метафизическим рассуждениям. Две с половиной тысячи лет спустя западное мышление постепенно и очень неохотно приходит к той же точке зрения.

Даосизм

Термин «даосизм» происходит от китайского слова «дао», что значит «путь». Все китайские философы обладали различными представлениями о *дао*, но сам даосизм основывается на идеях мудреца Лао-цзы и его более позднего последователя Чжуан-цзы. Лао-цзы жил в VI столетии до н. э., и о его жизни мало что известно. По слухам, он был историком и советником по вопросам религии при дворе императоров Чжоу. Согласно легенде, он встречался с Конфуцием, но эта встреча не впечатлила Лао-цзы. Позже о нем говорили, что он отбыл на Запад. Смотритель перевала отказался выпустить Лао-цзы из Китая, пока он не запишет свои поучения о *дао*. Эта книга, названная Дао-

дэ-Цзин, стала священным текстом даосизма. Затем Лао-цзы отправился на Запад, и, согласно свидетельству того времени, «никто не знает, что с ним стало». Многие из Сотни Школ считали Лао-цзы мудрецом, святым или даже божеством. О живших в то время конфуцианцах говорили, что даже они считали Лао-цзы великим философом. Трудно понять, как учение Лао-цзы могло соединиться с поучениями Конфуция. Некоторые считают, что эти две философии имеют дело с совершенно разными областями человеческой жизни; другие полагают, что Лао-цзы и Конфуций противоречат друг другу почти по каждому вопросу.

Там, где Конфуций говорит о «Пути человека», Лао-цзы говорит о «Пути Природы». Для Лао-цзы Путь—это скорее метафизическое, мистическое понятие. Вечная и абсолютная сила, которая управляет природой, но остается вне времени и пространства. Ее трудно описать логическими концептуальными понятиями, свойственными мышлению западных философов. Однако этот признак характеризует, по-видимому, не всю западную философию. Стоицизм и философия киников представляли фундаментальное понимание мира также, как и даосизм.

Согласно Лао-цзы, мы должны быть созвучны *дао*, гармонировать с ним. Мы должны освободиться от пустых забот, посвятить свою жизнь простоте и непосредственности, оставаясь в то же время невозмутимыми.

Учение даосизма, созданное таким выдающимся учителем, как Лао-цзы, несомненно, обладало великой силой. Но для того чтобы даосизм оказался жизнеспособным хотя бы как метафизическая философия, он должен был совершенствоваться. Совершенствованием его занялся Чжуан-Цзы, родившийся через 200 лет после Лао-цзы. О его жизни тоже мало что известно, кроме того, что он написал книгу, называемую в наши дни его именем — *Чжуан-Цзы*, и что он яростно нападал на конфуцианство. Говорят, что в поздние годы он стал очаровательным старым чудаком, одетым в лохмотья и рваную обувь, перевязанную веревками. Один из учеников Чжуан-цзы посетил учителя после смерти его жены и был смущен, увидев того радостно распеваящим песни и отбивающим ритм чашкой. Чжуан-цзы объяснил свое поведение, сказав, что плач и траур были бы свидетельством «непонимания судьбы».

Согласно Чжуан-цзы, *дао* трансформирует беспорядочную и противоречивую природу в гармоничное единство Пути Природы. Это происходит только тогда, когда природа следует Природе, и достигается нами, когда мы тоже следуем Путем Природы, а не Путем Человека, как рекомендует Конфуций. *Дао* (или Путь Природы) — это трансцендентное состояние, в котором не существует добра и зла и все пребывает в гармоничном единстве. Но Чжуан-цзы также утверждал, что *дао* повсюду и присутствует во всем, даже в муравьях и экскрементах. Умирая, он запретил своим ученикам хоронить себя, сказав, что предпочитает быть брошенным на растерзание воронов, чем похороненным и съеденным червяками.

Буддизм

Буддизм пришел в Китай из Индии в III столетии н. э. В результате достаточно долгого развития вне страны происхождения буддизм обрел особенную китайскую модификацию, у него много черт, общих с даосизмом.

На Западе буддизм считается скорее религией, чем философией. Но чтобы понять, как могли эти

два на первый взгляд самостоятельных вида мышления столь неразрывно переплестись, нужно всего лишь вспомнить средневековую схоластику. Точно так же буддизм — несомненно, философия и в то же время религия. Его метафизика — практически та же схоластика (даосизм). Однако в отличие от схоластов, буддисты были склонны придавать большое значение непротивленческому фатализму, особенно по отношению к инакомыслию. В итоге буддизм вскоре распался на великое множество разнообразных направлений религиозной философии. Приверженцы каждого направления считали себя буддистами, что не мешало многим из них враждовать друг с другом. (Еще одно очевидное сходство с христианским мышлением, с той лишь разницей, что в трудные времена буддисты предпочитали сжигать самих себя, а не других.)

Буддизм был основан Сиддхартхой Гаутамой, родившимся в Непале в середине VI столетия до н. э. После своей женитьбы в 16 лет и еще 13 лет роскошной жизни он все бросил и ушел в Индию, где стал странствующим аскетом. Оказавшись в результате своего слишком рьяного подхода к аскетизму на краю гибели, он в конце концов

решил достичь просветления собственным путем. Согласно преданию, примерно в 528 году до н. э. в возрасте 35 лет, он наконец достиг просветления и стал Буддой. Это произошло, когда он сидел со скрещенными ногами под баньяном, или восточно-индийской смоковницей (*Ficus religiosa*).

Первоначально буддизм придавал большое значение медитации, которая давала человеку духовное спокойствие и отрешенность для того, чтобы он мог освободиться от иллюзий и противоречий повседневной жизни. Эти западни обыденности подобны тучам, закрывающим солнце, и только когда они будут рассеяны духовной дисциплиной, мы осознаем лучезарную истину.

На китайский буддизм сильно повлиял доминировавший до его появления в Китае даосизм. Позже, в XII веке, буддизм не мог не оказать своего собственного влияния на конфуцианство. Так возникло неоконфуцианство, усвоившее метафизические понятия буддизма, которые скорее всего были бы преданы анафеме самим Конфуцием, но оказались необходимы его последователям для того, чтобы заполнить пробелы в его учении.

Высказывания Конфуция

Наставление Конфуция о том, как быть хорошим чиновником.

Цзы-Чжан спросил Учителя: «Что я должен сделать, чтобы стать благородным мужем и поступить на государственную службу?»

«Ты должен придерживаться пяти высоких качеств и отвращаться от четырех пороков».

«Каковы эти пять высоких качеств?»

«Благородный муж любезен независимо от подарков. Он работает бок о бок с людьми, не давая повода для обиды. У него есть амбиции, но не алчность. Он величественен, но не чрезмерно горд. Он внушает уважение, а не злость».

«Что именно вы понимаете под этими качествами?»

«Разве работа на благо людей не есть великодушие без ожидания вознаграждения? Если ты даешь подходящую работу подходящему человеку, кто будет обижен? Если человек отбросил страсти, чтобы достичь совершенства, и достиг всего, что было в его силах, — как он может быть жадным? Благородный муж всегда выполняет свои обязанности, вне зависимости от их размеров и сложности, и поэтому он не ленив — разве это не величие без гордости? Благородный муж следит за своей наружностью. Он носит одежду и шляпу надлежащим образом и с другими людьми обходится уважительно. А благодаря его серьезному поведению люди тоже испытывают к нему глубокое уважение — таким образом, он вызывает уважение, а не злость».

«А что такое четыре порока?»

«Приговаривать человека к смерти, если он не справился со своей задачей, потому что не получил правильных инструкций, — это жестокость. Ожидать, что человек что-то сделает, не получив нужного совета, — это произвол. Настаивать на том, чтобы человек в спешке закончил свою работу, когда он говорит, что выполняет ее постепен-

но, — это вред. Обещать вознаграждение, а потом с неохотой выплачивать его — это мелочность».

Еще несколько советов о хорошем управлении.

«Если правитель честен с самим собой, послушание будет и без приказов; но если он сам нечестен, то послушания не будет, даже если приказы отданы».

«Если бы только какой-то правитель взял меня на работу, я бы за месяц уладил все проблемы, а потом три года все шло бы гладко».

«Говоря об управлении, Учитель сказал Жань Ю: «Всего лишь попроси других делать то, чему ты сначала их научил».

Конфуций подчеркивал необходимость учения и говорил, как к нему относиться.

«Учись так, как если бы ты никогда ничего не знал, ибо если ты боишься потерять, то чему ты можешь научиться?»

«Трудно найти человека, который хочет учиться три года, не получив в конце обучения работы».

Несколько проницательных наблюдений великого Учителя:

«Не жди обмана или предательства, но в то же время всегда опасайся их — это необходимо, если ты хочешь достичь вершины».

«Всякий, кто жаждет храбрости, но жалуется на бедность, создает препятствие».

«Некоторые люди могут делать вещи без понимания их».

Высказывания Конфуция

Отдельные, не столь глубокие наблюдения великого Учителя.

«Когда погода становится холодной, мы замечаем, что сосны и ели не подвержены увяданию».

Когда у него спросили дальнейшего наставления о правлении, учитель ответил: «Никогда не уставай».

Учитель сказал о Кун Вэнь-цзы: «Он знает, как радоваться». Когда он впервые преуспел, он сказал: «Это почти то, что нужно». Преуспев еще больше, сказал: «Этого почти достаточно». А когда стал очень успешным: «Это почти идеально».

Вот как Конфуций описал этапы своей жизни.

«Когда мне было 15, меня интересовала только учеба. Когда мне исполнилось 30, я начал свою жизнь; в 40 я был самонадеянным; в 50 — осознал свое место в общем порядке вещей; в 60 я научился не спорить; а сейчас мне 70, и я могу делать все, что хочу, не разрушая свою жизнь».

Придворный чиновник спросил Конфуция, всегда ли господин Чао выполняет обряды и обычаи, и Конфуций ответил, что так оно и есть.

Когда Конфуций ушел, чиновник сказал: «Мне говорили, что великий учитель Конфуций — мудрый человек, но я вижу, что это не так. Господин Чао нарушил обычаи, взяв жену из своего рода, и скрыл это, дав ей другое имя».

Когда Конфуцию сказали об этом, он ответил: «Если я совершаю ошибку, то вы можете быть уверены, что о ней услышат все».

Типичный пример прагматизма, мудрости и жизненных советов Учителя.

«Будь непоколебим в доброй вере, люби учение, будь готов своей жизнью отстаивать добрый Путь».

Не приезжай в нестабильное государство; никогда не живи в стране, где происходит революция. Стремись к известности, когда Путь царствует в Империи, когда же он не царствует, прячься. Позорно быть бедным и неизвестным в стране, где царствует Путь. Точно так же позорно быть богатым и уважаемым в стране, где Путь не царствует».

Самое характерное высказывание Конфуция относительно моды.

«Благородный муж не должен носить темно-красные или темно-фиолетовые воротники. Одежда, которую он носит дома, не должна быть ярко-красной или фиолетовой. Летом, когда он дома, он должен носить только свободную одежду из грубой или тонкой чесучи. Выходя на улицу, следует надевать верхнюю одежду. Зимой — носить черную свободную одежду, надетую поверх одежды, связанной из шерсти. Если благородный муж одет в демисезонное пальто, подкладка должна быть из оленьей кожи. Когда он одет в желтый свободный халат, подкладка должна быть из лисьего меха. Когда он дома, он должен носить

тканую одежду длиннее той, которую носит на церемониях. У нее должен быть короткий правый рукав для того, чтобы он мог пользоваться рукой. Когда он идет спать, он всегда должен быть одет в ночную рубашку длиной в половину его тела. Подкладка его домашней одежды должна быть из лисьего или барсучьего меха. За исключением похорон, он всегда должен носить все отличительные знаки своей службы, прикрепленные к ленте. Его одежда всегда должна быть модной, кроме случая, когда он участвует в жертвоприношениях. При посещении человека, находящегося в трауре, никогда не следует надевать войлочную или черную шляпу. В первый день месяца благородный муж должен посетить своего господина, надев официальную одежду. Когда он постится, он должен все время носить чистые чесучовые одеяния».

Некоторые комментаторы считают, что эти подробные рекомендации действительно могут составить теорию моды. На мой взгляд, это тот случай в силу недостатка абстрактных принципов и определенных противоречий, оставшихся неразъясненными. Что, например, должен надевать бла-

городный муж, если он участвует в жертвоприношении вместе с принцем в первый день месяца?

Некоторые западные комментарии.

«Я уважаю Конфуция. Он был первым человеком, не принявшим божественного вдохновения».

Вольтер

«Что он передал, так это именно те ценности, которые китайский народ лелеял веками до него. Китай не столько конфуцианский, сколько конфуцианство китайское».

Уильям Мак Нотон

«Если бы нам пришлось выбрать для определения конфуцианской этики одно слово, то этим словом был бы «гуманизм». Конфуцианская этика призвана научить тому, как быть человеком. Предполагаются абсолютная обязательность, непрестанное самоочищение или самосовершенствование, целостное представление о внутреннем плане нравственного образования».

Доктор Ту Вей-Мин, профессор китайской истории и философии Гарвардского университета

«Конфуций более, чем какой-либо другой философ, сосредоточивался «на нуждах правительства и правительственного аппарата».

Эзра Паунд

Важные даты в философии

VI в. до н. э. — с Фалеса Милетского начинается западная философия.

Конец VI в. до н. э. — смерть Пифагора.

399 г. до н. э. — Сократа приговаривают к смерти в Афинах.

387 г. до н. э. — Платон создает Академию в Афинах, первый университет.

335 г. до н. э. — Аристотель открывает в Афинах Лицей, школу, конкурирующую с Академией.

324 г. н. э. — император Константин перемещает столицу Римской империи в Византию.

400 н. э. — Августин Блаженный пишет «Исповедь». Философию поглощает христианская теология.

410 г. н. э. — осада Рима вестготами и начало Темных веков Средневековья.

529 г. н. э. — закрытие императором Юстинианом афинской Академии знаменует собой конец эллинистической культуры.

Середина XIII в. — Фома Аквинский пишет комментарии к трудам Аристотеля. Эпоха схоластики.

1453 г. — захват Константинополя турками, гибель Византийской империи.

1492 г. — Колумб достигает берегов Америки. Флорентийское Возрождение и возобновление интереса к греческой культуре.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1543 г. — Коперник публикует работу «*Об обращении небесных тел*», математически доказывая, что Земля вращается вокруг Солнца.

1633 г. — Галилей под давлением церкви отрекается от гелиоцентрической теории вселенной.

1641 г. — Декарт издает «*Философские рассуждения*», рождение современной философии.

1677 г. — после смерти Спинозы выходит в свет его «*Этика*».

1687 г. — Ньютон публикует «*Принципы*», вводя понятие гравитации.

1689 г. — Локк пишет «*Опыты о человеческом разумении*». Возникновение эмпиризма.

1710 г. — Беркли издает «*Принципы человеческого познания*», расширяя горизонты эмпиризма.

1716 г. — смерть Лейбница.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1739—1740 гг. — Юм публикует «*Трактат о человеческой природе*», доводя эмпиризм до его логического завершения.

1781 г. — Кант, разбуженный от «догматического сна» Юмом, пишет «*Критику чистого разума*». Начало великой эпохи немецкой метафизики.

1807 г. ~ Выходит в свет произведение Гегеля «*Феноменология разума*», шедевр немецкой классической философии.

1818 г. — Шопенгауэр публикует работу «*Мир как воля и представление*», внося в немецкую метафизику элементы индийской философии.

1889 г. — провозгласивший смерть Бога Ницше теряет рассудок.

1921 г. — Витгенштейн пишет «*Логико-философский трактат*», в котором утверждает, что нашел «окончательное решение» проблем философии.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ В ФИЛОСОФИИ

1920-е гг. — Венский кружок разрабатывает логический позитивизм.

1927 г. — издается «*Бытие и время*» Хайдеггера, провозгласившего разрыв между аналитической и континентальной (европейской) философскими традициями.

1943 г. — Сартр публикует работу «*Бытие и ничто*», в которой развивает мысли Хайдеггера и кладет начало экзистенциализму.

1953 г. — посмертная публикация «*Философских Исследований*» Витгенштейна. Расцвет эпохи лингвистического анализа.

Хронология жизни Конфуция

551 до н. э. — рождение Конфуция (возможно, 28 сентября, до сих пор отмечаемое в некоторых частях Юго-Восточной Азии как его день рождения).

548 до н. э. — смерть отца Конфуция.

536 до н. э. — погружение в учебу.

533 до н. э. — женитьба на Пею.

520-510 до н. э. — создает школу, обучая своей новой «религии».

КОНФУЦИЙ ЗА 90 МИНУТ

510—500 до н. э. — назначен министром внутренних дел провинции Лу.

500 до н. э. — уходит с государственной службы провинции Лу.

500-490 до н. э. — отправляется в странствие в поисках дальнейшей работы.

484 до н. э. — возвращается домой в провинцию Лу.

479 до н. э. — смерть Конфуция в 73 года.

Об авторе

Философ и математик Пол Стретерн в настоящее время живет и работает в Англии. Лауреат премии Соммерсета Моэма, он также является автором книг по истории и путешествиям и пяти романов. Его многочисленные статьи публиковались в таких изданиях, как *Observer* (Лондон) и *Irish Times*. Философскую степень получил в Тринити Колледже, Дублин.